

**Писательская критика в персоналиях.**  
**В. К. Кюхельбекер: к вопросу о своеобразии**  
**литературно-эстетической позиции**

В истории русской литературной критики особое место принадлежит так называемой «писательской критике». И в XVIII, и в первой трети XIX века по существу еще не было критики «профессиональной»: очень часто сами поэты стремились осмыслить не только собственное творчество (стихи о стихах), создавать своеобразные эстетические декларации в стихотворной форме, но и выступать в качестве литературных критиков. В данном случае есть все основания утверждать, что критическая деятельность писателя «есть продолжение или иная форма его деятельности как художника» [3; 144-145].

В творческой практике некоторых литераторов (впрочем, число их не очень велико) можно заметить относительное «равновесие», которое проявляется между их художественным и литературно-критическим творчеством. Обычно в этой связи упоминают имена А. С. Хомякова, Ап. Григорьева и других. По всей справедливости в этом же ряду должно быть названо и имя В. К. Кюхельбекера, о котором даже трудно сказать: в каком качестве он прежде всего вошел в историю русской словесности – как поэт или как критик.

Распространенная в первой трети XIX века «писательская» (или «поэтическая») критика наложила свой отпечаток как на содержание, так и на форму литературно-критических выступлений. Критик, который сам является творцом художественных произведений, не может не соотносить свои эстетические воззрения с опытом собственной литературно-художественной деятельности. Именно поэтому писательская критика (в отличие от критики «профессиональной») представляет особый интерес своей нетрадиционностью, большей внутренней свободой, доверительностью интонации. Нередко критические оценки включаются в

структуру художественных текстов, выражены в эпистолярной, что придает тем или иным отзывам подчеркнуто доверительный характер: не предназначенные для печати они, тем не менее, являются фактами литературной жизни.

В первой четверти XIX века значение такой писательской критики было особенно велико. Литераторы декабристского лагеря (и поэты, испытывавшие тогда определенное влияние декабристских идей), естественно сами себя не называли ни «гражданскими романтиками», ни тем более, «критиками первого этапа революционного движения» (эти дефиниции возникли значительно позже. И тем не менее, благодаря работам авторитетных литературоведов (Г. А. Гуковского, В. Г. Базанова, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанова, Л. Г. Фризмана и др.), можно считать установленным, что литераторы-декабристы были именно романтиками, хотя представляли иное, по сравнению со школой Жуковского, течение в романтизме. Да и в его пределах, как известно, существовали свои оттенки.

Отстаивая свои эстетические убеждения, литераторы первых десятилетий XIX века не считали возможным ограничиваться созданием только художественных произведений. Активное участие в литературной борьбе эпохи буквально вынуждало их выступать с теоретическими обоснованиями собственной позиции, с поддержкой произведений единомышленников и с полемическими выступлениями, направленными против противоборствующих литературных течений. Так сама эпоха, когда профессиональная критика еще отсутствовала, предопределила появление литературно-критических статей А. А. Бестужева, П. А. Вяземского, П. А. Катенина, К. Ф. Рылеева, О. М. Сомова и др. Активное участие в литературной полемике принимали также Грибоедов и Пушкин. В этот же ряд необходимо поставить и имя В. К. Кюхельбекера.

Проблематика литературно-критических работ Кюхельбекера многообразна. Это, в первую очередь, вопросы, касающиеся определения романтической литературы, это проблемы литературной эстетики и вкуса, вопросы стихосложения (и связанные с ними проблемы литературных авторитетов и учителей). В критических статьях Кюхельбекер также излагал свои требования к литературе,

собственное представление о назначении поэта и поэзии и о дальнейших путях развития литературы.

Показательна установка Кюхельбекера. В статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» критик отметил: «Решаясь говорить о направлении нашей поэзии в последнее десятилетие, предвижу, что угожу очень не многим и многих против себя вооружу. И я наравне со многими мог бы восхищаться неимоверными успехами нашей словесности. Но льстец всегда презрителен. Как сын отечества, поставляю себе обязанностью смело высказать истину» [2; 453]. Кюхельбекер предвидел, что многие его мнения и оценки будут скептически приняты читательской публикой и профессиональными литераторами, однако поступать именно так ему велел его профессиональный и гражданский долг.

Характерно, что независимостью суждений и беспристрастностью оценок отмечены все литературно-критические работы критика. Неслучайно с его литературными мнениями считались современники (Пушкин, Грибоедов), а вокруг его статей часто разгорались бурные полемики.

Как уже было отмечено, взгляды Кюхельбекера не претерпели интенсивной качественной эволюции. В связи с этим его литературно-критическое творчество можно рассматривать как единый текст, а статьи анализировать не в хронологическом, а в системно-проблемном плане.

Уже в первых статьях Кюхельбекера («Взгляд на нынешнее состояние русской словесности», «Взгляд на текущую словесность») явственно обнаруживаются те тенденции, которые в дальнейшем были положены в основу его литературно-эстетической позиции и были развиты им более полно и последовательно.

Лейтмотивом всего литературно-критического творчества Кюхельбекера явились архаистические пристрастия. Уже в ранних своих критических опытах он проповедовал ориентирование на отечественную словесность (продолжение и развитие традиций отечественного стихотворства), интерес к отечественной истории, верованиям, нравам, быту, использование традиций русского фольклора, ориентирование на классицистические просветительские традиции русской словесности XVIII века. Показательно его отношение к поэзии Катенина в статье

«Взгляд на текущую словесность». Разбирая его «Песнь о первом сражении русских с татарами на реке Калке под предводительством князя Галицкого Мстислава Мстиславовича Храброго», Кюхельбекер высказал мнение, что «публика и поэты должны быть благодарны г-ну Катенину за единственную, хотя еще и несовершенную в своем роде, попытку сблизить наше нерусское стихотворство с богатою поэзией русских народных песен, сказок и преданий – с поэзией русских нравов и обычаев» [2; 438]. Впоследствии эти идеи будут подкрепляться необходимостью создания оригинальной, неподражательной поэзии, и займут центральное место в эстетике Кюхельбекера. По мнению Н. В. Королевой и В. Д. Рака, литературная позиция Кюхельбекера уже достаточно четко просматривается в этой статье. Уже здесь он выступил как «архаист-славянин», а в дальнейшем лишь укрепился в своих воззрениях [2; 595].

Литературные вкусы Кюхельбекера, проявившиеся в ранних статьях, свидетельствуют также о явном стремлении критика ввести русскую литературу в широкий контекст мировой литературы. Вот показательный и принципиальный для Кюхельбекера призыв из его статьи «О направлении нашей поэзии...»: «Но не довольно – повторяю – присвоить себе сокровища иноплеменников: да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной! Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности» [4. – Ч. II.; 41-42].

Вопрос заключался не просто в отрицании благотворности влияния именно французской литературы. Кюхельбекера беспокоило однообразие, которое неминуемо возникало при обращении к единственному источнику, каким бы он ни был. Поэтому обращение Востокова к традициям античности, а Жуковского – к немецкой поэзии представлялось ему принципиально важным и перспективным [2; 435]. Заметим, что это пока лишь первые, отрывочные мысли и суждения Кюхельбекера, но пройдет пару лет, и они образуют стройную оригинальную концепцию – романтизма.

Характерной чертой Кюхельбекера-критика, проявившейся уже в первых статьях, было также его стремление привлечь внимание читателя к малоизвестным либо непопулярным авторам. Можно предположить, что это обусловлено желанием Кюхельбекера расширить представление о современном состоянии русской литературы. Скорее всего именно эти обстоятельства предопределили его внимание к сочинениям А. П. Буниной, Ивана Георгиевского («Взгляд на текущую словесность», «Евгения, или письма к другу» Сочинение Ивана Георгиевского»), а впоследствии (в 1825 г.!) и к уже совершенно забытому С. А. Ширинскому-Шихматову («Разбор поэмы князя Шихматова «Петр Великий»). Это тоже одно из ярких доказательств некой стабильности в литературных взглядах, интересах и творческой манере Кюхельбекера.

Следует отметить, что с самого начала литературно-критического творчества Кюхельбекера четко наметилась еще одно важное направление в его взглядах – тенденция эстетического взгляда на природу и назначение искусства и поэзии. В статье «Взгляд на текущую словесность» критик писал: «...да будет нам позволено сказать два слова вообще о поэзии дидактической или поучительной... Поучения всегда скучны и неприятны: особенно же, когда нам наперед, с обидною для нас важностью и высокопарностью педагога, говорят: слушайте! я хочу учить вас! Наставления – лекарства; публика – избалованный ребенок, который не считает себя больным, но большой охотник лакомиться. Если захотим заставить его принять лекарство – обманем его, скажем, что принесли ему гостинец от Аполлона, балладу, песнь, драму – и он без подозрения проглотит поучение!» [2; 440]. Кюхельбекер подчеркнул мнение, что литература – это сфера искусства, поэтому она обладает своими, особыми способами воздействия на читателя. Литературу нельзя ставить на один уровень с этикой, педагогикой, дидактикой, главная задача которых объяснять, «что такое хорошо и что такое плохо». По мнению критика, писатели и поэты в первую очередь стремятся к созданию художественного образа (который часто представляет эстетические принципы художника), во вторую – они заботятся о том, чтобы их художественный образ был ясен и интересен читателю, и уже в третью – о результате воздействия художественного образа на читательскую публику. Ведь в

конечном счете все равно решает сам читатель, что он примет для себя, а что оставит без внимания.

В дальнейшем Кюхельбекер часто обращался к вопросу о специфике поэзии, и природе искусства в целом, о месте и значении автора в художественном произведении. Размышления по этому поводу встречаются в его статьях, письмах, в отрывках из «Путешествия». Изобилует подобными рассуждениями и Дневник Кюхельбекера. Заметим, что все его мысли и суждения об искусстве и литературе отмечены широтой понимания предназначения искусства и тонкостью осмысления его специфики.

Характерно, что эстетика Кюхельбекера в современном литературоведении вызывала и вызывает споры. Существует мнение (Л. Г. Фризман [7], А. В. Архипова[1]), что Кюхельбекеру, как и другим гражданским романтикам (Бестужеву, Рылееву), свойствен прагматизм и утилитарность во взгляде на литературу и литературное творчество. Более лояльны в оценках Кюхельбекера Н. В. Королева и В. Д. Рак, склонные размежевывать Кюхельбекера-литератора и Кюхельбекера-общественного деятеля и не смешивать его эстетику с политической программой.

На наш взгляд, и одна и другая точки зрения в определенной степени справедливы. Однако мы склонны полагать, что несмотря на рационалистический характер эстетики Кюхельбекера, его система взглядов на литературу отличается тонким осмыслением специфики литературного творчества, глубокими знаниями истории литературы (русской и мировой), а также знанием и пониманием литературной действительности начала XIX века.

Значительную роль в этом вопросе сыграло также и образование Кюхельбекера – гуманитарный лицей, где литературному образованию уделялось едва ли не главное место.

Таким образом, есть все основания полагать, что Кюхельбекер был талантливым литератором и вдумчивым литературным критиком. Об этом свидетельствуют его оригинальные суждения о романтической литературе, о назначении поэта и поэзии, о литературных жанрах.

## Литература:

1. Архипова А. В. Из литературной полемики 1820-х годов (В.Кюхельбекер, «архаисты» «новаторы) //Русс. лит. – 196. – № 3. – С. 42-59. »
2. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. – М.: Наука, 1979.
3. Маслакова М. А. Писательская критика – наука или искусство //Писатели-критики: Материалы научно-теоретической конференции «Проблемы писательской критики». – Душанбе, 1987. – С. 252-302.
4. «Мнемозина». – 1824. – ч. I – IV.
5. Фризман Л.Г Декабристы и русская литература. – М.: Худож. лит., 1988. – 304 с.
6. Фризман Л. Г. Становление русской критики //Литературная критика 1800-1820-х годов. – М.: Худож. лит.,1980. – С. 5-23.
7. Чупринин С. И. Критика это критика. Проблемы и портреты. – М.: Сов. писатель, 1988. – 318 с.

## Анотація

Стаття присвячена аналізу літературно-естетичних поглядів відомого літературного критика першої чверті XIX століття, декабриста В. К. Кюхельбекера. Зроблено спробу довести, що розуміння літературної творчості Кюхельбекером, незважаючи на певну радикальність його суспільно-політичних поглядів, відрізняється високим професіоналізмом та естетичною тонкістю. В статті показано, що ототожнювати Кюхельбекера-літератора і Кюхельбекера-суспільного діяча немає підстав. Таким чином, в декабристському літературному середовищі Кюхельбекеру належить особливе місце.